

Научная статья

УДК 82-92 + 821.161.1 + 82-7
DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-319-348

**Дальневосточные футуристы
и сатирический листок «Блоха»
(Владивосток, 1920 год)**

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Анализируются публикации стихотворных фельетонов в юмористическом листке «Блоха», который выходил в 1920 г. во Владивостоке. Авторы публикаций скрывались за псевдонимами, которые в настоящий момент не поддаются расшифровке. При анализе мы в первую очередь обращали внимание на черты, характерные для поэзии футуристов. С одной стороны, эти черты служили для создания пародии, высмеивания деятелей литературного сообщества Владивостока тех лет. С другой стороны, проанализировав примеры стихотворных и прозаических фельетонов, мы можем говорить о том, что сатирический журнал «Блоха», выходящий во Владивостоке в 1920 г., тесно связан с футуристическим течением, активно развивавшемся в Дальневосточной республике в 1918–1921 гг.

Ключевые слова

сатирическая журналистика, сатирический листок, Блоха, Владивосток, футуризм, фельетон, сатирический журнал, дальневосточная периодика начала 1920-х гг., стихотворный фельетон, С. Третьяков, Н. Асеев

© Абрамова К. В., 2022

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Абрамова К. В. Дальневосточные футуристы и сатирический листок «Блоха» (Владивосток, 1920 год) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 319–348. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-319-348

Far Eastern Futurists and the Satirical Leaflet “Blokha” (“Flea”) (Vladivostok, 1920)

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

The article deals with the analysis of publications of poetic feuilletons in the satirical leaflet “Blokha” (“Flea”), which was published in 1920 in Vladivostok. The authors of the publications hid behind pseudonyms that are currently indecipherable. Analyzing the texts, we primarily drew attention to the features characteristic of the poetry of futurists. On the one hand, these features served to create a parody, ridicule the figures of the literary community of Vladivostok in those years. On the other hand, having analyzed examples of poetic and prose feuilletons, we can say that the satirical magazine “Blokha” (“Flea”), published in Vladivostok in 1920, is closely connected with the futuristic movement that was actively developing in the Far Eastern republic in 1918–1921.

Keywords

Satirical journalism, satirical leaflet, Bloch, Vladivostok, futurism, feuilleton, satirical magazine, Far Eastern periodicals of the early 1920s, poetic feuilleton, S. Tretyakov, N. Aseev

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Abramova K. V. Far Eastern Futurists and the Satirical Leaflet “Blokha” (“Flea”) (Vladivostok, 1920). *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 319–348. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-319-348

В 1917–1922 гг. культурная жизнь Владивостока переживала бурный расцвет. Социальные и политические условия на Дальнем Востоке после революции: затянувшаяся по сравнению с другими регионами Гражданская война, угроза интервенции, создание «буферного» государства, массы людей, стекавшихся в поисках прибежища, бегущих от новой власти и ужасов и лишений войны, – привели к тому, что далекий от столиц город, расположенный в другом конце государства, стал на несколько лет своеобразным центром культуры и искусства. Как отмечают исследователи, для Дальнего Востока в целом и для Владивостока в частности после Октябрьской революции была характерна активность печати, причем издания отличались тематикой, преследовали различные цели, в них отражались разнообразные взгляды на политику и искусство [Давитадзе, 2009; Кириллова, 2011; 2018; Якимова, 2015б]. В этот период во Владивостоке издавалось около 200 газет и более 30 журналов. Кроме того, в 1919 г. поэтами-футуристами было организовано Литературно-художественное общество Дальнего Востока, при котором действовала театральная студия «Балаганчик». В городе существовали также другие театры и кабаре, проводились литературные вечера и даже литературные суды¹.

Большую популярность в это время получили сатирические фельетоны, которые стали своеобразной формой существования литературы на Дальнем Востоке в эпоху буферного государства (1920–1922 гг.)². Это было характерно не только для Владивостока как центра Дальневосточной республики, но и для других городов региона (см., например, исследования о фельетонах в Амурской печати [Красовская, 2009] и о творчестве журналиста и поэта Федора Чудакова, жившего и публиковавшегося в Благовещенске).

¹ Подробнее об этом см., например, [Кириллова, 2011, с. 26–37; Давитадзе, 2009; Крусанов, 2003, с. 404–433].

² Уже в первые годы после революции в исследованиях творчества поэтов на Дальнем Востоке было отмечено значение, которое приобрели именно фельетоны благодаря своей злободневности и выразительности (см., например, [Пузырев и др., 1967; Трушкин, 1976]).

шенске [Урманов, 2009]³). Авторами стихотворных фельетонов, появившихся в дальневосточных периодических изданиях, были и столичные поэты-футуристы, которые находились в эти годы во Владивостоке: С. Третьяков⁴ и Н. Асеев⁵. Увлеченность сатирическими фельетонами, в том числе и поэтов-футуристов Дальнего Востока, определенным образом приводит к совмещению двух тенденций отражения революционной стихии в поэтических произведениях, о которых пишет Н. О. Осипова [2018]: восприятие революции в контексте футуристических идеалов и восприятие революции как «кровавого балагана», «пира во время чумы»⁶.

В нашем исследовании мы обратимся к анализу фельетонов, которые публиковались в юмористическом листке «Блоха», выходившем во Владивостоке в 1920 г. В первую очередь наше внимание направлено на взаимосвязь данных сатирических произведений с творчеством дальневосточных футуристов, так как в поэтических и прозаических фельетонах отражалось критическое отношение к Литературно-художественному обществу и окружавших его поэтов, но в то же время в них использовались приемы, которые были характерны для поэтики футуризма.

Прежде чем мы перейдем к анализу текстов, остановимся на истории издания. А. А. Хисамутдинов указывает, что журнал «Блоха» начал вы-

³ Нужно отметить, что Ф. И. Чудаков был известен во владивостокских творческих кругах. Е. О. Кириллова упоминает о вечере памяти Ф. И. Чудакова, который состоялся 25 марта 1920 г. в «Балаганчике», театре-студии, организованном Литературно-художественным обществом. Весь сбор от вечера поступил на устройство в Литературно-художественном обществе уголка имени Ф. Чудакова и в фонд издания его сочинений [Кириллова, 2007, с. 42].

⁴ Стихотворные фельетоны составляют значительную часть вышедшего в собрании стихов и статей С. М. Третьякова «Итого» [2019].

⁵ Отдельное исследование фельетонов Н. Асеева и С. Третьякова как самых ярких поэтов на Дальнем Востоке того времени, представлено в исследованиях Е. О. Кирилловой [2006; 2019].

⁶ Конечно, в связи с разговором о сатирическом издании нельзя не упомянуть о традиции журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», которая после иммиграции сотрудников этих и других сатирических дореволюционных журналов оказала большое влияние на развитие русскоязычной культуры в Европе (см. [Вульфина, 2017; Брызгалова, 2002; Развлекательная культура..., 2018]). Но эта же традиция нашла свое продолжение и на Востоке (см., исследование И. Е. Лощилова о поэзии Василия Логинова [Лощилов, 2021]).

пускаться во Владивостоке в 1920 г., с 1923 г. печатался еще и в Харбине, а позже (с 1925 г.) – в Шанхае [Хисамутдинов, 2016, с. 10; 2017, с. 22]⁷. Исследователь называет издателем журнала бывшего офицера и журналиста Вячеслава Александровича Григорьева, который в публикациях именовал себя «Товарищ Блоха» [Хисамутдинов, 2017, с. 22]. В рассматриваемом нами сатирическом листке, выходившем в 1920 г. во Владивостоке, не указаны имена тех, кто участвовал в его создании⁸, но в нем также встречаются заметки с подписью «Товарищ Блоха» (и «Мадам Блоха», о них мы скажем ниже), а на приведенной в монографии Хисамутдинова обложке указана фраза, которая есть также в заголовке владивостокского издания «Блоха»: «Выходит когда захочет», – но нужно отметить, что оформление издания уже значительно отличается. На обложке шанхайского номера «Блохи» вкратце излагается ее история: «Родилась в г. Владивостоке во времена Медведева, затем через Харбин прыгнула в Шанхай» [Там же]. Исходя из этого можно сказать, что сатирический листок «Блоха» выделялся среди других сатирических изданий Владивостока, Харбина и Шанхая продолжительностью своего существования и тем, что издание выпускалось в различных городах, в которые были вынуждены переезжать ее создатели.

Если говорить о названии сатирического листка, то, конечно же, оно встает в один ряд с распространенными наименованиями сатирических журналов, связанными с чем-либо жалящим, колющим. Так, например, в Томске в первой четверти XX в. выходил журнал с названием «Ось»⁹, в исследовательской литературе упоминается журнал «Комар», издававшийся в Иркутске весной 1918 г. [Посадсков, 2019]. Можно упомянуть в этом ряду также сборник стихотворных фельетонов благовещенского

⁷ В исследовании Чжао Юнхуа «Русская пресса в Китае 1898–1956» «Блоха» упоминается среди юмористических изданий, выходивших в Харбине. Исследователь не приводит других сведений о рассматриваемом издании, но упоминает, что «в целом харбинские юмористические издания были похожи друг на друга» [Чжао, 2017, с. 109]. Отметим, что в более раннем крупном исследовании русскоязычных книгоизданий и прессы в Китае журнал «Блоха» не упоминается (см.: [Кузнецова, 2003]), возможно, сатирические журналы в силу своей специфики не входили в сферу научных интересов автора или были на тот момент недоступны.

⁸ С. И. Якимова указывает, что сатирический листок «Блоха» издавался Андрушкевичем [Якимова, 2015а].

⁹ Подробнее об этом журнале см.: [Жилякова, 2020].

сатирика и поэта Фёдора Чудакова «Шпильки»¹⁰ или еженедельный литературно-сатирический журнал «Колючки», выходивший в Благовещенске в 1909–1910 гг., где также публиковались произведения Ф. Чудакова¹¹).

У названия рассматриваемого нами издания есть и фольклорные истоки: блоха – существо, кусающее, досаждающее человеку, прыткое и неуловимое, а поэтому в русском фольклоре образ блохи наделяется негативными коннотациями, и в произведениях художественной литературы встречается использование этого насекомого для создания образа героя¹². В эпоху модернизма образ насекомых, в том числе блох, становится своеобразным «знаком времени»¹³. В 1896 г. в Сан-Франциско выходил журнал «Le Petit Journal des Refusées» – «Журнальчик ошибок», «Журнальчик отклонений». Он был напечатан на винтажных обоях – каждый номер на разных, и разные страницы – на разных обоях, причем текст накладывался и на цветную сторону обоев, и на оборот. Листы были разрезаны в форме трапеции, каждая трапеция имела свою рамку и свое художественное решение. Из-за шрифтов, рамок, листов-трапеций и общего изящества оформления журнал казался бабочкой с крыльями-страницами. Такое оформление подчеркивает то, что этот журнал был сатирическим, т. е. содержал тексты шуточного, несерьезного содержания, тексты-насекомые, которые играют, обманывают, жалят и в любой момент готовы улететь. И форма этого журнала, и его содержание предсказывали авангард, дада, сюрреализм до дада, сюрреализма и авангарда. Весь журнал был как бы переплетен сетью цветов и трав, это был журнал – призрачный сад, в нем, кроме того, была опубликована поэма «Призрак Блохи», являющаяся прямой отсылкой к миниатюре с тем же названием Уильяма Блейка.

Конечно же, это напоминает о подобных русских печатных экспериментах: например, о журнале «Мир искусства» с напечатанным на обложке рисунком обоев и об «обойных книгах» русских футуристов, литографированные издания которых в 1910-е гг. стали своеобразным

¹⁰ Стихи из этого сборника с комментариями А. Урманова впервые после смерти Ф. Чудакова опубликованы в книге [Чудаков, 2016].

¹¹ См. комментарий в издании [Чудаков, 2016, с. 576–596].

¹² Подробнее об этом см., например: [Самойлова, 2018].

¹³ Е. П. Самойлова пишет об изменениях, которые происходят в восприятии образа блохи в искусстве XX в.: «...константные характеристики фольклорной блохи становятся отправной точкой для крупного и длительного творческого процесса, для балагурства “укусов” и “прыжков”, которые привели к созданию ряда изысканных новаторских произведений искусства» [Самойлова, 2018, с. 86].

экспериментом по созданию антикниги, книги как уникального предмета искусства¹⁴. Е. Ф. Ковтун подчеркивает, что впечатление полукустарности, немашинного способа производства было принципиальной установкой русских футуристов, черпающих вдохновение в детском рисунке, народном лубке, крестьянской культуре, в отличие от позиции итальянских футуристов с их культом машины и машинной цивилизации [Ковтун, 2014, с. 90]. Подобный подход не использовался в «Блохе», сама цель сатирического листка как периодического злободневного издания требовала быстрой реакции, т. е. имела значение скорость выхода и распространения листка, а значит, не было возможности применять вычурные методы и необычные материалы в оформлении. Тем не менее тенденции, существовавшие в авангардном искусстве, проявлялись и на Дальнем Востоке¹⁵, оказывая влияние как на владивостокских футуристов, так и на издания, в которых высмеивалось их искусство.

Одним из вариантов проявления такого влияния является то, что название сатирического листка «Блоха» оказывается вписанным в «инсектный код» русской культуры XX в., который, по словам Н. Злыдневой, становится одной из ярких вариаций самоотчуждения как проекции гротеска и абсурдности, свойственного авангардному искусству [Злыднева, 2004]. Уподобление человека, человеческого тела насекомому и наоборот – это знак особой парадоксальности авангардного пространства, поэтому в названии журнала «Блоха» обыгрывалось не только значение, присущее восприятию этого насекомого как кусающего, досаждающего, неблагородного создания в сатирическом ключе, но и модернистское восприятие, которым было пропитано искусство 1920-х гг.

Во владивостокском сатирическом издании уподобление насекомого человеку проявляется, например, в том, что редактор журнала подписывает заметки «Мадам Блоха»¹⁶ или просто «Блоха» и таким образом надева-

¹⁴ Подробнее об изданиях футуристов и их оформлении см., например: [Ковтун, 2014].

¹⁵ См., например, исследование Е. Ю. Турчинской [2011] об объединении хабаровских художников «Зеленая кошка» и деятельности Литературно-художественного общества во Владивостоке в 1918–1920-х гг.

¹⁶ Эту подпись можно сопоставить со стихотворением С. Третьякова 1914 г.: «Бактерия! Madame Бактерия! / Я очень... Я прошу... знаете... / Я расцелую ваши формы серые, / Только не майте! / Конечно, я очень рад вам... / И даже... вы не верите клятвам?... / Я лстец? Ничего подо... / Я поперхнулся вовсе не от подлизывания. / Мне ведь только / Хочется туда, / Вон, где труба и провода, / И фасадов

ет маску насекомого, а сама блоха наделяется человеческими чертами. В № 25, юбилейном, напечатан репортаж с празднования юбилея Блохи, которая персонализируется, предстает в виде дамы, принимающей поздравления от различных известных в городе деятелей. Среди них встречаются поэты. Так, стихотворное поздравление, озаглавленное «От футуриста» и подписанное «Третьяков» (с примечанием в скобках «Поэт, а не министр попросу не путать»¹⁷), выглядит следующим образом:

У Блохи
 Хи-хи-хи
 Все стихи
 Хи-хи-хи
 И Блоха
 Ха-ха-ха
 Не плоха
 Ха-ха-ха

В этом стихотворном поздравлении каждая вторая строка – междометия, которые повторяют последний слог предшествующей строки¹⁸. Получившаяся эхо-рифма умножается, растягивается и не только создает образ хохочущего человека, но и передает ироническое отношение как к поэту-футуристу Сергею Третьякову, заявленному автору этого поздравления, так и к самому журналу «Блоха», т. е. фельетон превращается в самопародию: каждая строка, как бы наделенная смыслом, восхваляющая «Блоху» («У Блохи / ... / Все стихи /... / И Блоха / ... / Не плоха»), сопровождается насмешкой и приобретает противоположное звучание. Кроме того, такое построение текста создает внутренние рифмы и гиперболизированную звуковую концентрацию: всё стихотворение строится на постоянном повторении звуков [х], [а], [и], которые есть и в словах «стихи» и «Блоха». Таким образом, в самом звучании фельетона отражается идея высмеивания

столько да полстолька... / А?.. Милая, многоуважаемая Бактерия, / Вы все-таки вотируете недоверие?...» [Третьяков, 2019, с. 48].

¹⁷ Пунктуация источника сохранена.

¹⁸ Подобный прием встречается в фельетоне С. Третьякова, опубликованном в газете «Дальневосточный телеграф» под псевдонимом Жень-Шень: «Ха-ха! / Свежие совросийские потроха. / Хе-хе! / Все, что потребно мещанской требухе. / Хи-хи! / Склад академической трухи. / Хо-хо! / Парламентарный балахон. / Ху-ху! / Хоть и рыльце в пуху, / Но сами свежи как цветок лотос, / То то-с!» [Третьяков, 2019, с. 412].

и Сергея Третьякова, и футуристических приемов, и самого сатирического издания.

Авторы, публикующие свои произведения в сатирическом листке «Блоха», скрывались за псевдонимами: Яша Черный, Недотыка, Бекъ, Жало, Ерема Остроносый, Яшка Шкворень, Пушкинзонъ, Акакий Буйный, Аховъ, Балагуръ и др. Расшифровке эти псевдонимы в настоящий момент не поддаются. К написанию стихотворных фельетонов для большого количества газет Владивостока (например, «Дальневосточное обозрение», «Владиво-Ниппо», «Дальневосточная трибуна» и др.) обращались, как мы упоминали выше, Н. Асеев и С. Третьяков, причем часто под псевдонимами, поэтому существует вероятность, что в «Блохе» также публиковались оба столичных футуриста.

В публикациях высмеиваются политические и экономические события, часто пародируются и критикуются материалы газеты «Голос Родины», которую в «Блохе» называют «Голос буфера». Например, в № 15 на странице 3 опубликовано стихотворение «Ма...а (подражание “Голосу буфера”))», подписанное «Яша Черный»:

<М>ел¹⁹ сегодня заплакал снова
По обыкновенному
Ма...а
Зарапнулась чья-то кошка,
забытая совершенно,
В измученном ожидании
Свежей крысы.
Тихое помешательство
Смешное и первобытное
Напало на голосопоэта
<М>атка заблудившагося дикаря
Подобье кровавого хама.

Голосил нудным
всем козлиным ртом
и мозгом искромсанным в кашу
Ма...а
Падали душившие слезы
А глупый наивно скрытый
Плачет где-то на Светланке.

¹⁹ Некоторые слова в подшивке невозможно прочесть целиком, предполагаемые варианты начальных букв этих слов заключены в угловые скобки.

Тайно тоскуя,
 Пьедестал из навоза
 Смеясь нагло, цинично,
 Болезненно грязно
 И крикнул проклято легко,
 О друзья коммунисты!..
 Оплеванный смело
 Мелодично,
 тайно тоскуя
 вздрохнул трепетно развязно
 ослиный строй – возьми меня –
 – Голос Родины.

Всё стихотворение стилистически построено на приемах, характерных для футуризма: ломка классического метра, разбивка стиха, с помощью которой выделяются значимые слова, различные приемы звукописи. В нем сразу бросается в глаза звукоподражание, появляющееся в четвертой строке: «Ма...а», – изображающее стон или протяжный вопль «Голоса Родины», газеты, также выходившей во Владивостоке в эти годы и подвергавшейся высмеиванию в «Блохе». Автор как будто пародирует звучание «Голоса Родины», буквально реализует название газеты. Кроме того, это звукоподражание становится «заумным» элементом, столь характерным для поэзии футуризма, но также напоминает о стихотворениях-танка, создаваемых С. Третьяковым под псевдонимом Жень-Шень, в которых он использовал наравне с выдуманными словами слова из японского языка, что делало их по звучанию похожими на японские стихи, но абсолютно абсурдными и бессмысленными в том числе и для японцев²⁰.

Другое стихотворение, также направленное против газеты «Голос Родины», озаглавлено «Глупозетки (Из голоса Буфера)» и имеет подзаголовок «Миг»:

Читал тебя
 Случайно, неохотно...
 В моем уме
 Мелькнул и не оставил тени...

²⁰ Е. О. Кириллова приводит пример такого стихотворения-танка С. Третьякова «Оку па дзия»: «Ходзя ина вон. / Ори, орывы кину. / Ато похаре. / Дзао корокуку сим / Поту рим ипо гоним». «Перевод»: «Хозяина вон / Ори ори выкину / А то по харе / З аокорок укусим / Потурим и погоним» [Кириллова, 2007, с. 198].

И вновь один,
И вновь сквозит туманный,
Как голос твой,
Туманный летний день...
И в этот день
И слякотный, и нудный
В моем уме
Ослом ты ржешь,
Ты крокодил,
Ты яд гитарный,
Ты райское распри
И вздох, супир де Жержь.

Постоянные лексические повторы в этом тексте, как бы нанизанные друг на друга («И вновь один» / «И вновь сквозит туманный» / «туманный летний день» / «и в этот день») создают впечатление монотонности, повторяемости, вплоть до невыносимости, что, конечно же, призвано изобразить содержание высмеиваемой газеты. В то же время создается иронический контраст между этой растянутостью и подзаголовком «Миг». В конце вся эта монотонность превращается в цепь сравнений, своеобразный bestiарий, где смешивается высокое и низкое.

В заголовке стихотворения обыгрывается авторское название жанра, которое использовал Ю. Галич, поэт, близкий к эго-футуризму, который объединял свои стихотворения под одним названием «Поэзэтки». По определению Е. О. Кирилловой, поэзэтка – это небольшое стихотворение, часто построенное на сравнении с характерным обращением-повтором (в частности, анафорой), который диктуется не столько смыслом стиха, сколько его звучанием [Кириллова, 2007, с. 73]. Рассматриваемая нами пародия также построена на сравнении и постоянных анафорических повторах: «Ты крокодил / Ты яд гитарный / Ты райское распри...». В этом отрывке присутствует отсылка к «эгоцентрической» манере построения стихотворений Ю. Галича: «Я – пылинка тротуара, / Я – улыбка, я – берилл, / Я – рычанье ягуара, / Я – Париж и мутный Нил...»²¹. Е. О. Кириллова отмечает, что в стихах Галича проявляется мелодичность, музыкальность, которая позволяет говорить о влиянии на его поэзию Бальмонта [Кириллова, 2011, с. 202–203]. И тогда образы, появляющиеся в концовке приведенного

²¹ Цит. по: [Кириллова, 2011, с. 201]. Е. О. Кириллова отмечает переключку приведенного стихотворения с текстами Игоря Северянина, Валерия Брюсова, отсылку к Г. Р. Державину.

фельетона, пародируют эту особенность поэтических текстов Галича: «Ты яд гитарный, / Ты райское распри, / И вздох, супир де Жержь». Музыкальность здесь обращается в нечто ядовитое, несущее смерть, но в то же время – прекрасное. В последней строке появляется своеобразная тавтология: за словом «вздох» идет галлицизм «супир», который переводится как «вздох», а также является музыкальным термином («пауза, равняющаяся по длительности четверти целой ноты»), т. е. продолжает развивать ряд музыкальных сравнений, начатых ранее. Кроме того, мы можем предположить, что под фразой «супир де Жержь» имеется в виду третья часть («Soupir») музыкального произведения известного скрипача и композитора Дюдже Энеску «Три мелодии на стихи Жюль Леметра и Салли Прюдом, для баса и фортепиано» (1898).

Поэзия Юрия Галича становится объектом пародирования и в фельетоне Яши Черного «Голосуфига» с подзаголовком «(из Голоса Буфера)»:

Огнекрасный, ослоликий
 Тупорылый и безносый
 Глупозвучные аккорды
 Я несу в ослиный мир.
 Перезвоны, пустотрели
 Скуку тундры, сопок тайны.
 Я крушу стихом бездарным.
 Флюгер – мой кумир.
 Сочиняя глупозетку
 И шагая цапли шагом
 Я в саду навозном, грязном
 Созидаю футурам.
 Буду умным, буду кляксой
 Буду жабой, буду раком
 И плевок свой ароматный
 Посылаю дуракам.
 Бамм...

Приведенный текст практически полностью повторяет форму стихотворения Юрия Галича «Громофуга», но наполняется она новым содержанием, в котором выражается негативная оценка оригинала:

Огнебурый, огнеликий,
 Огнекрылый и бескрайний,
 Громострунные аккорды
 Я несу в поэзомир.

Думозвоны, звукотрели,
Скукотундры, снеготайны
И крушу пятой мозольной
Ржавоплавленный кумир...
И, свершив переоценку,
И, шагая мерношагом,
Я в саду навозно-лепном
Созидаю футорам –
Буду богом, буду солнцем,
Буду чудом, буду магом,
И плевок махорнодымный
Посылаю облакам.
Баммм!²²

В «Блохе» часто встречаются упоминания, связанные с литературной жизнью Владивостока тех лет, они также представлены в сатирическом ключе: часто в стихотворных фельетонах высмеиваются поэты-футуристы. Направленность многих фельетонов «Блохи» против поэтов-футуристов объяснима. Во-первых, они и Литературно-художественное общество играли заметную роль в творческой жизни Владивостока, на это, конечно, большое влияние оказала деятельность «столичных» футуристов, переехавших во Владивосток в 1918–1920 гг., Н. Асеева, С. Третьякова, Д. Бурлюка. Во-вторых, нельзя не согласиться с рассуждениями Е. О. Кирилловой о том, что в претензии дальневосточного футуризма на особое положение отчетливо проявилось стремление отвоевать ведущее место в культурной жизни Владивостока. Изначально свойственное футуризму стремление отрицать предшествующее, а также и современное, но «другое» искусство, провозглашение авторами своей главенствующей роли в построении искусства «будущего» приводило к тому, что «футуристы претендовали на эстетическую монополию в литературно-художественной жизни региона. С одной стороны, футуристы заявляли, что они единственные и неповторимые творцы нового искусства, искусства, синонимичного революции, «рупор революции». С другой – здесь же, на Дальнем Востоке, во Владивостоке, а позже в Чите, как и в других крупных городах страны, футуризм принимали и не принимали ни с идеологических, ни с эстетических позиций, с ним боролись как с направлением, о нем много писали, спорили. Литературные публикации в периодике тех лет служат доказательством этой борьбы» [Кириллова, 2011, с. 49]. Е. О. Кириллова приво-

²² Цит. по: [Кириллова, 2011, с. 219].

дид примеры нескольких публикаций, высмеивающих футуристов и их творчество, которые появлялись в газетах «Голос Родины» [Кириллова, 2011, с. 50], «Воля» [Там же, с. 87], поэтому сатирический листок «Блоха» не был уникальным изданием, публиковавшим стихотворные фельетоны против футур-поэтов. Причем приведенные исследователем примеры произведений также подписаны псевдонимами, которые могут быть поставлены в один ряд с теми, которые использовали авторы «Блохи: «Стилет» – в случае стихотворения из «Голоса Родины» и Эми-Грант – «Футурчапушка» из газеты «Воля». Кроме того, А. В. Крусанов описывает выступление с критикой футуризма, известного во Владивостоке поэта Венедикта Марта, который до этого был близок к футуристам [Крусанов, 2003, с. 410]²³, поэтому мы можем отметить, что бурные дискуссии, взаимная критика и ссоры присутствовали в творческой среде Владивостока, это отражалось и в печати.

Например, в № 23 журнала «Блоха» под заголовком «Буферные поэты» появляется довольно издевательская пародия на большинство заметных

²³ Но нужно отметить, что в исследовательской литературе указывают и на близость В. Марта к идеям имажинизма, поскольку он мог познакомиться с В. Шершеневичем и А. Мариенгофом, когда проходил военную службу в Петербурге в 1917 г. [Кириллова, 2007, с. 53]. В «Блохе» высмеивались не только поэты-футуристы, например, в № 42 опубликован текст Ивана Мордопляса под названием «Имажинизм» с подзаголовком «(К состоявшимся диспутам)»:

Небом тучу гонит ветер
 Как верблюда – рыжий сеттер
 – Отчего же ветер рыж?
 – Оттого, что он бесстыж.
 И к тому же ветер раж,
 И покинул свой гараж.
 Как шальной автомобиль,
 Он летит, взвивая пыль.
 С ним примчался в срок урочный
 В город март – дальневосточный.

Далее за стихотворным текстом следует примечание: «Примечание для неграмотных. Имажинизм новая литературная школа в советской России. Имажинисты получают так: берется матерый футурист (Вадим Шершеневич) и на него брызгается слюной комиссар Фриче... Имажинисты получают в Совроссии двойной паек. Блоха, не щадя затрат, заставила Ивана Мордопляса сделаться имажинистом. После припадка рвоты и легких судорог, Мордопляс принял школу».

авторов Владивостока того времени. Причем сначала дается фамилия поэта, а затем идет текст:

С. Третьяков
Мы фомку с приятелем точим
И я, господа, не Атлант ли?
А впрочем,
талантлив.

Н. Асеев
Блуждая по бездорожью,
Встречаю банкира-глю
Но Вас, проросшая рожью,
Я, все-таки, все люблю.
И правду стилечью в рабий
Затылок-мишень для пуль! –
Из «Дальневосточной хляби»
Отместно вонзит Буль-Буль...

А. Несмелов
Живет в норе. И Василиса
Его жалеет целый день...
Мечтает сшить штаны из плиса
И кончить футо-дребедень.

Саша и Катя Голосородинские
В колыбели ритма дедовских эпох
Дремлет Саша Журин, чрезвычайно плох.
А за ним, белугой открывая рот,
Всхлипывает дева – Катерина Грот.

Виталий Рябинин
(по Чужаку)
Бить его тяжелым, бить по голове,
Бить не день, не сутки, а недели две
А стихи злодея, жулика и типа –
В сопки!.. На сожженье!.. За «Владиво-Ниппо»!

Ваня Мордопляс
А в Блохе, понятно, ловкий до баляс
Гениально пишет –
Ваня Мордопляс.

Псевдоним автора этой заметки оказывается вписанным в сам текст пародии²⁴, так же сделан подзаголовок с его именем, а затем уже идет текст, в который вплетена подпись. И этот текст контрастирует со всеми предыдущими, восхваляя автора сатирического листка.

Среди авторов, высмеиваемых в приведенном фельетоне, построенном как серия пародий, упоминаются Саша Журин и Катерина Грот, чьи имена не так известны. В исследовательской литературе практически нет упоминаний о Екатерине Грот, но Е. О. Кириллова говорит о журналистке, поэтессе, критике Елене Грот, чьи стихи часто печатались в «Голосе Родины», к тому же в одном из сборников ее ошибочно называют Евгенией Грот²⁵, поэтому мы можем предположить, что в этом сатирическом произведении также присутствует случайная или даже намеренная ошибка в расшифровке инициала поэтессы.

Александр Журин – еще один поэт, чьи стихи часто появлялись на страницах «Голоса Родины». О нем, как и о Е. Грот, О. Е. Кириллова говорит, что ему присуще особое обращение к русской и европейской классической традиции²⁶, поэтому автор фельетона объединяет их, высмеивая не только то, что они публикуются в одном издании, в газете «Голос Родины», против которой выступают авторы «Блохи», но и то, что их творчество ориентируется на поэтический мир предшествующей эпохи, поэтому и оказывается чуждым футуристам.

В рассматриваемых пародиях используются стилистические средства и приемы, характерные для того автора, против которого направлено стихотворение. Так, например, в пародии на С. Третьякова появляются сложная рифма «не Атлант ли?» – «талантлив» и смена трехстопного амфибрахия первых двух строк на одностопный в третьей и четвертой строках: «А впрочем, / Талантлив», а в части, посвященной Николаю Асееву, используются окказиональное прилагательное «стилечья»²⁷, эпитеты, харак-

²⁴ Этот прием встречается и в других публикациях в дальневосточной прессе. Например, стихотворение Елены Грот «Ответ «Балагуру» заканчивается следующим образом: «Но... не исполню я совета / И не закрою я свой рот, / Ну-с... до свиданья... Жду ответа... / «Елена Гротик», то есть / ГРОТ» (цит. по: [Кириллова, 2011, с. 290]).

²⁵ См. подробнее: [Кириллова, 2007, с. 79–82; 2011, с. 286–298; 2018].

²⁶ См.: [Кириллова, 2007, с. 83–85; 2011, с. 298–315].

²⁷ Ср. со строками из произведения «Несмеяная. Роман разорванный ветром» Н. Асеева, которое создавалось в эти годы (1919–1922): «Но если мир-ханжу, / замучивший тебя, встречу, – / в спину ему вонжу / красную правду стилечью /

терные для поэтики Асеева²⁸ («проросшая рожью» – отметим еще и звуковую насыщенность этой строки: «ро» – «ро» – «сш» – «ро» – «ж»)²⁹. Когда же речь идет об А. Журине и Е. Грот, автор фельетона используем точные рифмы («эпох» – «плох», «рот» – «Грот»), как бы подчеркивая мнение о несовременности и вторичности стихотворений этих авторов.

Еще одним примером фельетона, в котором высмеиваются поэты разных направлений, является стихотворение «Хамелеон», опубликованное в № 24 под псевдонимом Монтигомо:

Есть «Голос Предателей Родины» –
Буржуйная кислая слякоть,
То ястребом свищет уродина,
То уткой вновь пыжится крякать.
В построчном барометре Мировая
Давленье ищи атмосферы –
То вой коммуниста в нем щираго,
То визг ка ке де, то эсера.
Н.И., по науке финансовой –
Померк ваш финансовый гений
Элегией струнной и стансовой
Бренчал на бумаге, без лени.
Петроний там римский, с лампасами,
То в тоге, то в куртке гражданской,
Палить боевыми припасами
С азартом и пылом, но стильно.
Стащив штаны у Маяковского,
Пищит макака Хара-Кири,
Там Катя Грот, там О. Петровская,
Там Журин с арфой и с псалтирью.
Там тускло все и серость разная,
То киноварь, то охра с мелом –
Будь красным, коли любишь красное,
Коль белым будь лишь белым.

и, поворачивая острие / в дрожащем последней дрожью, / тихо спрошу про нее, /
нынче проросшую рожью» [Асеев, 1990].

²⁸ См. об этом, например: [Астафьев, 2017; Дубровских, 2013].

²⁹ «Буль-Буль», появляющийся в этом фельетоне, – это совместный псевдоним, которым подписывали свои сатирические публикации Н. Асеев и С. Третьяков (см. об этом, например: [Кириллова, 2019]).

Отличительной чертой этого фельетона является то, что он затрагивает не только поэтические темы: он направлен против всего издания «Голос Родины», поэтому в нем критикуются подходы этого издания и по политическим, и по финансовым вопросам, а высмеиваемые поэты объединены не общностью стиля, а тем, что они публикуют свои произведения в «Голосе Родины».

Тем не менее, как мы указывали выше, футуристы Владивостока – постоянный объект высмеивания в «Блохе», в № 34 сатирического листка даже встречается пародия на Владимира Маяковского³⁰ – стихотворение «Голосую», подписанное «Фоныч»:

Что Маяковский!
Споём братцы и мы не хуже.
Доски,
Братцы, бросайте в лужи,
Чтобы было по чему
 переходить
На сухое место.
Меня впереди!
Сидит моя невеста.
Очень красивая девушка,
Настоящее очарование.
Братцы если хотите хлебушка
Голосуйте в Учредительное собрание
За товарищей коммунистов,
За прекрасные Тобельсоновские глаза.
Эй, что там за свист?
Я все сказал.

В стихотворном фельетоне прослеживается узнаваемая стилистика Маяковского: памфлетная направленность текста, тенденциозность образно-метафорической системы, характерные черты ритмической организации, разбивка строк. Стихотворение начинается с фразы «Что Маяковский!», и весь дальнейший текст призван доказать, что автор и поэты, к которым он обращается («братцы»), могут сочинять стихи не хуже, но

³⁰ Отметим еще, что в № 47 опубликовано четверостишие, подписанное «Владимир Маяковский» – под заголовком «Детский отдел» с подписью к нему «Из журнала Юнь» даны следующие строки: «Птичка кушает крупчатку, / Баба любит белый хлеб, / А Чита вчера Камчатку / Переправила в совдеп». А следом за ним опубликован небольшой рассказ «Бяка», подписанный «Велемир Хлебников».

в итоге произведение оказывается подражанием, стилизацией, а Маяковский становится неким символом футуризма вообще. В другом стихотворном фельетоне, опубликованном в № 21 и обращенном к известному дальневосточному публицисту Н. Насимовичу, подписывавшему свои тексты псевдонимом Н. Чужак, который также был близок к Литературно-художественному обществу, трижды повторяется фамилия Маяковского, как бы усиливая призыв подражать ему. Приведем этот фельетон, озаглавленный «Розгой» с подзаголовком «Посвящ. Чужаку» и подписанный псевдонимом Влас Подбутылкин:

Взяв поэта за волосья,
И спихнув его с хорал,
Били в лоб и в переносье,
А «старшой» орал:

– Пиши о пожарищах,
О товарищах,
А кроме этого
Воспевай, паршивец, Мансветова,
Мансветова, Мансветова!..

Не отвиливай от онаго,
Сердце старших не томи,
Порицай в стихах Семенова,
Вообще – карай, клейми.

Налетай бурю,
На Даурию,
И совет тебе, таковскому:
Подражай Маяковскому,
Маяковскому, Маяковскому!..

Экий ты, братец, лаповый,
Перестань, не всхлипывай,
Ведь и бьют то всего четвертый год.

Частым приемом в «Блохе» становится комментарий к текстам, в котором автор высмеивающего сочинения как бы становится в один ряд с теми, кого высмеивают, часто это превращается в «самосатиру», шутку над автором юмористического фельетона или стихотворения. Например, в № 23

опубликовано стихотворение «Эс-эр», к которому в конце приписано: «Последнюю строку Ковыль стибрил у Пушкина. Нехорошо. Блоха»³¹.

Яркой особенностью авангардного искусства, в том числе и футуризма, является нарушение границ произведения³², подобный прием встречается и в стихотворных фельетонах, опубликованных в сатирическом листке «Блоха», на нем, например, строится стихотворение «Заржавленная лира», автором которого указан Наждак:

«Солнце шлялось целый день без дела –
Было ль солнца что светлей и краше –
А теперь скулой едва прордело
И – закат покрылся в красный кашель.
Синий глаз бессонного залива
Впился в небо полумертвым взглядом,
Сивый берег, усмехнувшись криво,
С ним улегся неподвижно рядом.
Оксана! Жемчужина мира!
Я воздух, как волны дробя,
На дне Малороссии вырыл
И в песню отправил тебя».
Асеев! Как воздух струится
Чеканных стихов твоих ков –
За это не мало простится
Тебе краснокожих стихов...

Заголовок фельетона сразу же отсылает к циклу стихов «Заржавленная лира» Н. Асеева, опубликованного в журнале «Творчество» в 1920 г. И практически весь текст составлен из отрывков разных частей цикла, последние же четыре строки стихотворного фельетона – это обращение к Асееву с пародическим подражанием его стилистике. Такое построение текста создает эффект неожиданности, полностью меняет значение первоначальных строк. Кроме того, автор фельетона использует эпитет «краснокожие» в адрес стихов Асеева, что, скорее всего, намекает как на его политические воззрения, так и на политические предпочтения большинства футуристов.

³¹ Причем в этом утверждении также заключена издевка: последняя строфа стихотворения звучит следующим образом: «Не судите очень строго, / Не браните... у него / Все несчастья – от Бога... / – Просто, плюньте на него!».

³² См., например: [Бобринская, 2006].

Иногда две различные публикации начинают составлять одно целое. Так, в № 13 опубликовано произведение Яши Черного «Холера», но перед ним, в одной из заметок в рубрике «Что делается в Буфере» приводится следующий текст, подписанный псевдонимом Недотыка и озаглавленный «Квартирная комиссия»:

Квартирная комиссия все еще сидит и распускает пролетарские миазмы. Санитарная комиссия приходит в ужас и вопит: Холера на носу. Квартирная комиссия стала жаловаться на санитарную комиссию. Товарищ Кругликов посылает в комиссию ей на подмогу своего товарища, товарища поэто футур Третьякова. Делать нечего, пришел в квартирную комиссию футур Третьяков и заявил успокойтесь! Я издам свои поэзы и холера сразу сдохнет.

Но что там было мне не под силу рассказать, пусть лучше сам Яша Черный опишет все как было.

Заметим, что процитированная заметка не присоединена к тексту Яши Черного, она оформлена так, что только при прочтении можно заметить их взаимосвязь. Приведем текст самого фельетона:

Холера

– А подать его сюда! ах вот он! погодите я его сейчас отделаю, здравствуй Третьяков!

А Третьяков метнул светозарными глазами и ответил:

Здравствуй Яша. Лунномрак.
Я сегодня лапсердак
Одел на всякий случай.
Сошла гора с зеленой тучей
И облако в штанах
Мне запечатлело на устах
Свой поцелуй...

Яша Черный хлопнул великаго по светозарной лысине и вступил с ним в такой разговор:

Ах стихоплюй,
Хоть ты осел,
Но ты пришел
Дела квартирныя решать.

Третьяков остолбенел; -неужели?

Ах да! медам и господа!
Прошу садиться.

Начнут сейчас струиться
Мои поэзы.
Что! холера, тиф, чума!?!?
Не может быть, все ерунда!
Я, губернатор, прикажу
И всю холеру прекращу!

У членов квартирной комиссии волосы встали дыбом и они завопили хором:

Холера, тиф, чума, товарищ
Нашли себе приют для пастбищ
В столице буфера.....

А Третьяков с высоты своего величия не обратил на гадов никакого внимания и продолжал;

О мразь, о шушера!
Реформу новую я дам
Балдам.
Пишете ордер, кубатуру
На все канавы...

В диком изумлении, выпучив глаза вскочили члены квартирной комиссии. Разинув рты они смотрели на осиянного губернатора, а великий продолжал.

Мои поэзы
Читайте все!
И нас тогда: –
Холера и чума
Покинут навсегда.

Лиловомячный столбняк охватил членов квартирной комиссии.
– Но это хуже чем чума, – кто-то пискнул.

Но великий не удостоил пискуна своим вниманием. Ему некогда, его гениальные мозги заняты творчеством. Они сочиняют новые поэзы на страх холере и чуме.

Осиянный одел свой колпак. Все вскочили и провожали своего любимого губернатора и все горячо его приветствовали;

Прощай поэт!
Туманнолаковый,
Караковый!
Прощай, прощай поэт!

Все книги, входящие и исходящие журналы, ордера и протоколы полетели на лысину Третьякова, украшая ее вместо блекло-оранжевых роз. Глубоко тронутый Третьяков направился к дверям. Бравый сопочник отдал ему честь. Третьяков сел в автомобиль и поехал творить поэзы.

Мужайтесь! теперь холеры у нас не будет!
Яша Черный

Фельетон написан в форме небольшой пьесы, это впечатление поддерживается сочетанием прозаического текста со стихотворными вставками³³. Причем стихотворная форма придается не только «поэзам» Третьякова, но даже члены квартирной комиссии в какой-то момент переходят на стихи.

Кроме того, в пародиях Блохи постоянно происходит смешение стилей, в них сочетаются нарочито грубые слова низкого стиля и максимально вычурные эпитеты («туманнолаковый», «лиловомячный», «светозарный»), подчеркивающие отнесенность пародийного текста к тому или иному лицу, используется даже фраза «облако в штанах», которая отсылает к Маяковскому не только как к автору одноименной лирической поэмы, но и как к символу футуризма вообще, как и в тех примерах, о которых мы говорили ранее.

Мы рассмотрели некоторые примеры сатирических фельетонов, в основном стихотворных, которые были опубликованы в сатирическом листке «Блоха» в 1920 г. Конечно же, круг произведений, появлявшихся на страницах этого печатного издания, ими не ограничивается. Но, проанализировав их, мы можем говорить о том, что сатирический журнал «Блоха», выходящий во Владивостоке в 1920 г., тесно связан с футуристическим течением, активно развивавшемся в Дальневосточной республике в 1918–1921 гг.

Список литературы

Асеев Н. Н. Избранное. М.: Худож. лит., 1990. 511 с.

³³ Напомним, что дальневосточные футуристы были тесно связаны с театральной деятельностью, Литературно-художественное общество выбрало местом своих заседаний подвал под театром «Золотой рог», при нем действовала театральная студия «Балаганчик», и довольно часто футур-поэты Владивостока участвовали в театральных постановках (подробнее об этом см.: [Крусанов, 2003, с. 404–433]).

Астафьев А. Ю. Окказиональные прилагательные в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается» // Русская речь. 2017. № 2. С. 29–32.

Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. М.: НЛЮ, 2006. 304 с.

Брызгалова Е. Русская сатира и юмористика начала XX века. Тверь: ТвГУ; Золотая буква, 2002. 203 с.

Вульфина Л. Неизвестный Ре-Ми. Художник Николай Ремизов. Жизнь. Творчество. Судьба. М.: Кучково поле, 2017. 304 с.

Давитадзе Н. В. Футуризм на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4 (8). С. 82–87.

Дубровских Т. С. Элементы заумного языка в раннем творчестве Николая Асеева // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: Молодая наука. 2013. № 5. С. 134–143.

Жилякова Т. В. История возникновения и содержательно-оформительские особенности сатирического журнала «Ось» (Томск, 1906 год) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 135–150.

Злыднева Н. В. Инсектный код русской культуры // Абсурд и вокруг: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 241–256.

Кириллова Е. О. Жанр поэтического фельетона в творчестве Николая Асеева (к контексту журналистской деятельности поэта на Дальнем Востоке в начале 1920-х) // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 92–101.

Кириллова Е. О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 258 с.

Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (Поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 632 с.

Кириллова Е. О. Литературная ситуация Дальнего Востока времен Гражданской войны и интервенции и русская эмигрантская журналистика в АТР (малоизвестные страницы) // Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы участников VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А. А. Новикова. Уссурийск: Филиал ДВФУ в г. Уссурийске, 2018. С. 6–13.

Кириллова Е. О. «Бульбулим вместе, по строфе на брата»: Фельетоны Н. Асеева и С. Третьякова в дальневосточной периодике начала 1920-х гг. // Россия и АТР. 2019. № 4 (106). С. 55–80.

Ковтун Е. Ф. Русская футуристическая книга. М.: РИП-холдинг, 2014. 229 с.

Красовская С. И. Фельетон на страницах «Амурской правды» 1921 года. На материале фельетонов П. Суслова // Лосевские чтения – 2009: Материалы Регион. науч.-практ. конф. / Под ред. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. Вып. 2. С. 22–33.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М.: НЛЮ, 2003. Т. 2, кн. 2: Футуристическая революция (1917–1921). 608 с.

Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949) / Рос. АН. Сиб. отд-ние ГПНТБ; отв. ред. А. И. Букреев. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. 256 с.

Лоцилов И. Е. Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3656–3660.

Осипова Н. О. Русская революция 1917 года в контексте смеховой культуры // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века. К 100-летию революции 1917 года, к 125-летию со дня рождения К. А. Федина: Сб. ст. участников Междунар. науч. конф., посвящ. междисциплинарному исследованию проблемы «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века» (Саратов, 10–12 октября 2017 г.). Саратов: Наука, 2018. С. 61–72.

Посадсков А. Л. Антибольшевистская сатирическая пресса в восточных регионах России (ноябрь 1917 – ноябрь 1918) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): Сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием (18–20 ноября 2019 г.) / [Ред. В. И. Шишкин (отв. ред.) и др.]; Ин-т истории Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2019. С. 344–355.

Пузырев В., Иванов Ю., Хомутов К. Советская поэзия на Дальнем Востоке // Антология поэзии Дальнего Востока / Сост. В. Пузырев, Ю. Иванов. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1967. С. 5–49.

Развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Э. Анри-Сафье, И. З. Белобровцева, Н. А. Богомолов и др.; сост. Н. Я. Букс, Е. Н. Пенская; отв. ред. Е. Я. Курганов. М.: ИД Высш. шк. экономики, 2017. 463 с.

Самойлова Е. П. Фольклорный образ «Блохи» и его трансформация в произведениях И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Е. И. Замятина // Спасский вестник. 2018. № 26-2. С. 77–87.

Третьяков С. М. Итого: Собрание стихов и статей о поэзии. М.: Рутения, 2019. 800 с.

Трушкин В. П. Из пламени и света...: Гражданская война и литература Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 368 с.

Турчинская Е. Ю. Авангард на Дальнем Востоке: «Зеленая кошка», Бурлюк и другие. СПб.: Алетейя, 2011. 196 с.

Урманов А. В. Амурский Саша Черный («Шпильки», или Об одной считавшейся утраченной книге Федора Чудакова) // Лосевские чтения – 2009: Материалы Регион. науч.-практ. конф. / Под ред. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. Вып. 2. С. 3–21.

Хисамутдинов А. А. Русский юмор и сатира в Китае // Вестник славянских культур. 2016. № 4 (42). С. 7–20.

Хисамутдинов А. А. Русский юмор и сатира в Китае. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. 62 с.

Чжао Юнхуа. Русская пресса в Китае (1898–1956) / Пер. с кит. А. А. Зеленовой. М.: Шанс, 2017. 399 с.

Чудаков Ф. «Чаша страдания допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2016. 716 с.

Якимова С. И. Журналистика Дальнего Востока России в годы Гражданской войны // Век информации. 2015а. № 2. С. 230–238.

Якимова С. И. Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока как поликультурное пространство // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2015б. № 4. С. 26–42.

References

- Aseev N. N. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1990, 511 p. (in Russ.)
- Astafev A. Yu. Okkazional'nye prilagatel'nye a poeme N. Aseeva "Mayakovskiy nachinaetsya" [Occasional adjectives in N. Aseev's poem "Mayakovskiy Begins"]. *Russian speech*, 2017, no. 2, pp. 29–32. (in Russ.)
- Bobrinskaya E. Russkiy avangard: granitsy iskusstva [Russian avant-garde: the boundaries of art]. Moscow, 2006, 304 p. (in Russ.)

Bryzgalova E. Russkaya satira i yumoristika nachala XX veka [Russian satire and humor of the early 20th century]. Tver, 2002, 203 p. (in Russ.)

Chudakov F. “Chasha stradan'ya dopita do dna!..” Iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka [“The cup of suffering has been drunk to the bottom!..” From the creative heritage of the outstanding satirist of the early 20th century]. Vladivostok, 2016, 716 p. (in Russ.)

Chzhao Yunkhua. Russkaya pressa v Kitae (1898–1956) [Russian press in China (1898–1956)]. Trans. from Chin. by A. A. Zelenova. Moscow, 2017, 399 p. (in Russ.)

Davitadze N. V. Futurizm na Dal'nem Vostoke [Futurism in the Russian Far East]. *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*, 2009, no. 4 (8), pp. 82–87. (in Russ.)

Dubrovskikh T. S. Elementy zaumnogo yazyka v rannem tvorchestve Nikolaya Aseeva [Elements of a zaum language in the early works of Nikolai Aseev]. *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science*, 2013, no. 5, pp. 134–143. (in Russ.)

Khisamutdinov A. A. Russkiy yumor i satira v Kitae [Russian humor and satire in China]. *Herald of Slavic Cultures*, 2016, no. 4 (42), pp. 7–20. (in Russ.)

Khisamutdinov A. A. Russkiy yumor i satira v Kitae [Russian humor and satire in China]. Vladivostok, 2017, 62 p. (in Russ.)

Kirillova E. O. Zhanr poeticheskogo fel'etona v tvorchestve Nikolaya Aseeva (k kontekstu zhurnalistskoy deyatel'nosti poeta na Dal'nem Vostoke v nachale 1920-kh) [The genre of poetic feuilleton in the work of Nikolai Aseev (to the context of the poet's journalistic activity in the Far East in the early 1920s)]. *Historical poetics of the genre*, 2006, no. 1, pp. 92–101. (in Russ.)

Kirillova E. O. Russkaya futuristicheskaya poeziya na Dal'nem Vostoke 1917–1922 gg.: ideyno-khudozhestvennyye iskaniya, poeticheskie imena [Russian futuristic poetry in the Far East 1917–1922: ideological and artistic searches, poetic names]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Vladivostok, 2007, 258 p. (in Russ.)

Kirillova E. O. Dal'nevostochnaya gavan' russkogo futurizma. Kniga pervaya. Modernistskie techeniya v literature Dal'nego Vostoka Rossii 1917–1922 gg. (Poeticheskie imena, ideyno-khudozhestvennyye iskaniya) [Far Eastern harbor of Russian futurism. Book one. Modernist trends in the literature of the Russian Far East in 1917–1922. (Poetic names, ideological and artistic searches)]. Vladivostok, 2011, 632 p. (in Russ.)

Kirillova E. O. Literaturnaya situatsiya Dal'nego Vostoka vremen Grazhdanskoy voyny i interventsii i russkaya emigrantskaya zhurnalistika v ATR (malozvestnye stranitsy) [Literary Situation in the Far East during the Civil War and

Intervention and Russian Emigrant Journalism in the Asia-Pacific Region (little-known pages)]. In: Novikov A. A. (ed.). *Literatura i kul'tura Sibiri, Dal'nego Vostoka i Vostochnogo zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Literature and culture of Siberia, the Far East and Eastern foreign countries. Problems of intercultural communication]. Materials of the participants of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation Ussuriysk, 2018, pp. 6–13. (in Russ.)

Kirillova E. O. “Bul'bulim vmeste, po strofe na brata”: Fel'etony N. Aseeva i S. Tretyakova v dal'nevostochnoy periodike nachala 1920-kh gg. [N. Aseev's and S. Tretyakov's feuilletons in the far east periodical press at the beginning of the 1920s]. *Russia and the Asia-Pacific*, 2019, no. 4 (106), pp. 55–80. (in Russ.)

Kovtun E. F. *Russkaya futuristicheskaya kniga* [Russian futuristic book]. Moscow, 2014, 229 p. (in Russ.)

Krasovskaya S. I. Fel'eton na stranitsakh “Amurskoy pravdy” 1921 goda. Na materiale fel'etonov P. Suslova [Feuilleton on the pages of Amurskaya Pravda, 1921. On the material of feuilletons by P. Suslov]. In: Urmanov A. V. (ed.). *Losevskie chteniya – 2009* [Losev readings – 2009]. Proceedings of the Regional scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2009, iss. 2, pp. 22–33. (in Russ.)

Krusanov A. V. *Russkiy avangard: 1907–1932 (Istoricheskiy obzor)* [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (Historical Review)]. In 3 vols. Moscow, 2003, vol. 2, book 2: *Futurist revolution (1917–1921)*, 608 p. (in Russ.)

Kuznetsova T. V. *Russkaya kniga v Kitae (1917–1949)* [Russian book in China (1917–1949)]. Khabarovsk, 2003, 256 p. (in Russ.)

Loshchilov I. E. *Poeziya Vasiliya Loginova: kharbinskii otgolosok “Satirikonu”* [Poetry of Vasily Loginov: Harbin echo of “Satyricon”]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2021, vol. 14, iss. 12, pp. 3656–3660. (in Russ.)

Osipova N. O. *Russkaya revolyutsiya 1917 goda v kontekste smekhovoy kul'tury* [1917 Russian revolution in the context of Russian laughter culture]. In: *Russkaya intelligentsiya i revolyutsiya v literature XX veka. K 100-letiyu revolyutsii 1917 goda, k 125-letiyu so dnya rozhdeniya K. A. Fedina* [Russian intelligentsia and the revolution in the literature of the 20th century. To the 100th anniversary of the revolution of 1917, to the 125th anniversary of the birth of K. A. Fedin]. Collection of articles by participants of the international scientific conference dedicated to the interdisciplinary study of the problem “Russian intelligentsia and the revolution in the literature of the 20th century” (Saratov, October 10–12, 2017). Saratov, 2018, pp. 61–72. (in Russ.)

Posadskov A. L. Antibol'shevistskaya satiricheskaya pressa v vostochnykh regionakh Rossii (noyabr' 1917 – noyabr' 1918) [Anti-Bolshevik satirical press in the eastern regions of Russia (November 1917 – November 1918)]. In: Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.) [Civil War in Eastern Russia (November 1917 – December 1922)]. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (November 18–20, 2019). Novosibirsk, 2019, pp. 344–355. (in Russ.)

Puzyrev V., Ivanov Yu., Khomutov K. Sovetskaya poeziya na Dal'nem Vostoke [Soviet poetry in the Far East]. In: Antologiya poezii Dal'nego Vostoka [Anthology of poetry of the Far East]. Comp. V. Puzyrev, Yu. Ivanov. Khabarovsk, 1967, pp. 5–49. (in Russ.)

Razvlekatel'naya kul'tura Serebryanogo veka. 1908–1918 [Entertaining culture of the Silver Age. 1908–1918]. Anri-Saf'e E., Belobrov'tseva I. Z., Bogomolov N. A. et al.; comp. N. Ya. Buks, E. N. Penskaya, ed. by E. Ya. Kurganov. Moscow, 2017, 463 p. (in Russ.)

Samoylova E. P. Fol'klornyy obraz “Blokhi” i ego transformatsiya v proizvedeniyakh I. S. Turgeneva, N. S. Leskova, E. I. Zamyatina [Folklore image of “Fleas” and its transformation in the works of I. S. Turgenev, N. S. Leskov, E. I. Zamyatin]. *Spassky Herald*, 2018, no. 26-2, pp. 77–87. (in Russ.)

Tretyakov S. M. Itogo: Sobranie stikhov i statey o poezii [The sum total: Collection of poems and articles about poetry]. Moscow, 2019, 800 p. (in Russ.)

Trushkin V. P. Iz plameni i sveta...: Grazhdanskaya voyna i literatura Sibiri [From Flame and Light...: The Civil War and the Literature of Siberia]. Irkutsk, 1976, 368 p. (in Russ.)

Turchinskaya E. Yu. Avangard na Dal'nem Vostoke: “Zelenaya koshka”, Burlyuk i drugie [Avant-garde in the Far East: “Green Cat”, Burliuk and others]. St. Petersburg, 2011, 196 p. (in Russ.)

Urmanov A. V. Amurskiy Sasha Chernyy (“Shpil'ki”, ili Ob odnoy schitavsheysya utrachennoy knige Fedora Chudakova) [Amursky Sasha Cherny (“Hairpins”, or About one book that was considered lost by Fyodor Chudakov)]. In: Urmanov A. V. (ed.). Losevskie chteniya – 2009 [Losev readings – 2009]. Proceedings of the Regional scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2009, iss. 2, pp. 3–21. (in Russ.)

Vulfina L. Neizvestnyi Re-Mi. Khudozhnik Nikolai Remizov. Zhizn'. Tvorchestvo. Sud'ba [Unknown Re-Mi. Artist Nikolay Remizov. Life. Creation. Fate]. Moscow, 2017, 304 p. (in Russ.)

Yakimova S. I. Literatura i zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka kak polikul'turnoe prostranstvo [Literature and journalism of the rus-

sian emigration of the Far East as a multicultural environment]. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, 2015, no. 4, pp. 26–42. (in Russ.)

Yakimova S. I. Zhurnalistika Dal'nego Vostoka Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [Journalism of the Russian Far East during the civil war]. *Age of Information*, 2015, no. 2, pp. 230–238. (in Russ.)

Zhilyakova T. V. The history of the emergence and content and design features of the satirical magazine “Osy” (Tomsk, 1906). *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 1, pp. 135–150. (in Russ.)

Zlydneva N. V. Insektnyy kod russkoj kul'tury [Insect code of Russian culture]. In: *Absurd i vokrug [Absurd and around]*. Collection of articles. Moscow, 2004, pp. 241–256. (in Russ.)

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*